

Продолжение. Начало — на стр. 1-5

А за оградой лагеря лежали груды камней, над которыми стеклянно трепетал воздух. Под этими камнями лежали мертвецы и медленно испарялись на солнце.

...На Средиземном море я ходил на кораблях Пятой эскадры, которой командовал замечательный морской офицер, контр-адмирал Валентин Селиванов. В эту эскадру входили корабли Черноморского, Балтийского, Северного флотов, а иногда и допывали корабли Тихоокеанского флота. Корабли складывались в эскадру, которая противодействовала Шестому американскому флоту.

Туманилась стальная гора американского авианосца "Саратога", за ней на катере двигались наши разведчики и совком вычерпывали из моря упавший с авианосца сор — нечистоты, бумажный хлам, где могла таиться бесценная информация о жизни экипажа, именах офицеров, их адресах в американских штатах.

Крохотный кораблик, замаскированный под рыбацкую шхуну, был насыщен электроникой и локаторами. Он следил за тем, как из Израиля подымались еврейские бомбардировщики "Кфир", шли на бреющем полёте над морем в сторону Ливана, где в долине Бекаа шли бои израильтян и ливанцев. Советские зенитно-ракетные полки, стоявшие в долине Бекаа, ждали приближения самолётов. Кораблик с моря засекал их полёты, выдавал координаты зенитчикам ракетных полков, и когда израильские самолёты взмывали и готовились нанести бомбовый удар, они напарывались на ракеты. Эти локальные войны, как язы, горели на всех континентах. Они множжились, загорались и гасли, и в них таилась угроза гигантской войны, готовой угробить мир. Я чувствовал этот тугой, протянутый над континентами канат, на котором танцевало и балансировало человечество, готовое сорваться, упасть и разбиться.

Мои романы были свидетельствами этих малоизвестных войн. В них я укрощал и гасил эти войны. Так гасят о живое тело папиросы.

Я был всегда с моим государством — в часы его триумфов и поражений. На космодроме Байконур я видел, как высились в небо гигантская белоснежная колонна — ракета "Энергия" — и к ней прилепился челнок "Буран", похожий на бабочку бражника. Как ринулась вверх эта громада, сотрясая землю реактивной струёй огня. Бабочка облетела земной шар, совершила в космосе волшебный кувырок, как это делают восхищённые своим полётом голуби. Челнок опустился на землю, и конструкторов, создавших эту дивную ракету и восхитительный космический корабль, подбрасывали на руках. А я подходил к "Бурану" и касался рукой белой термоизоляции, которая была ещё тёплой, нагретой от соприкосновения

с космосом. Я вдыхал запах, который источал "Буран", и это был запах космоса.

На ядерном полигоне в Семипалатинске я видел, как взрывается термоядерный заряд. Гора, куда был заряд помещён, вдруг дрогнула, поднялась на дыбы, а потом осела, опустилась, словно ей перебили поджилки, и над горой затуманился рыжий горячий воздух. Этот удар пролетел по земной поверхности и шаркнул меня по ногам, будто ударили по ним стальным дувтавром. Толчок облетел землю, и меня снова качнуло.

КОГДА ВЗОРВАЛСЯ четвёртый блок в Чернобыле, я был там, на месте аварии. Вместе с шахтёрами Донбасса, которые пробивали штольню под четвёртый блок, осевший, готовый прожечь своим раскалённым ядовитым утём бетонную плиту, я уходил в штольню и касался руками этой плиты, и мне казалось, что я, как кариятиды, удерживаю чудовищный огненный столп.

На вертолёте я поднимался над четвёртым взорванным блоком и сверху заглядывал в ядовитое гнилое дуло, из которого топились дымные яды. Там, на этом вертолёте, я получил двойную дозу радиации. А когда дезактивировали соседний третий блок, на который свалилась груда радиоактивных обломков урана и графита, я вместе с отрядами химзащиты мчался по этому залу с веником, в жестяной совок стирял ядовитые частицы и стремился назад, выбрасывая их в контейнер для мусора. Я пережил такое напряжение, что бахили мои хлопнули от пота.

Я писал об этом очерки и романы и казался себе колоколом на башне вечевой, гремящим во дни торжеств и бед народных.

ГЛАВНАЯ БЕДА, свалившаяся на моё государство, на мой народ и на меня лично, — это перестройка, фантастическое явление, когда государство превратилось в скорпиона, жалеющего себя. Крушилось всё, что добывалось страной в величайших трудах и победах. Рушилась громада советской цивилизации. Уничтожались имена и святые. Громились репутации. Падали памятники. Уничтожалась великая армия. Закрывались фантастические заводы. Американские гильотины рубили ещё действующие советские подводные лодки. Враги государства сидели в Кремле, в министерствах, в штабах, на телевидении, в книжных издательствах. На меня сыпался этот чудовищный камнепад. И я видел, как мой народ побивается камнями перестройки.

Я был известным в ту пору журналистом и писателем, лауреатом множества премий, и Александр Яковлев, таинственный демон перестройки, пригласил меня в свой кабинет на Старой площади, предложил сотрудничество. Я помню его мясистое тело, дряблый живот под жилеткой,

вой жизни Проханов создаёт русскую советскую имперскую газету — в социуме не просто с антиимперской-полуколонизальной, а с антисоветской и русофобской властью, пьяно и униженно кривляющейся перед Клинтонем, в социуме, где ельцинские холуи под американские аплодисменты сначала расстреляли парламент страны, а затем под американскую диктовку сварили Конституцию.

Все 1990-е — противостояние Проханова и его соратников с мелкими бесами и их хозяевами. Но дело Проханова — не только газета, не только высекание искры. Он пишет — роман за романом, причём не только военно-политические, но и острополитические (например, "Господин Гексенген", 2002 г., премия "Национальный бестселлер").

Все 1990-е — это действия Проханова и его соратников, словно в качестве партизанского отряда на оккупированной территории в надежде на то, что "наши придут". Пришло время — при-

III

Увы. Треугольник не состоялся.

Сова Минервы вылетает в сумерки. Свои имперские романы Проханов писал в десятилетия стремительного заката Советской империи, по сути — во время хроники её объявленной смерти. Причём закатывалась она не столько сама, сколько закатывали её в "лунку истории" сознательно: не только враги, но своей неадекватностью, простотой (той, что хуже воровства) — те, кто должен был её защищать. Были ещё и третьи, кто хотел на месте СССР создать свою — не империю, а что-то вроде megacorporation, их Александр Андреевич выведет в романе "Меченосец".

Проханов с его обострённым чувством истории ощутил обречённость горе-защитников Сидеи ещё до их поражения. Вот он размышляет о будущих гэкачепистах: "Все они казались неаде-

лёкими, почти примитивными для того дела... Но оно требовало изощрённости, гибкого ума. Всего того, чем в полной мере обладали "перестройщики" Яковлев, Дейч, Явлинский, Чубайс. Множество советников. Всё многочисленное дружное племя, которое ополчилось на государство, готовило ему бесславный конец. Государственные мужи владели флотами, воздушными армиями, разведкой, казной. Но не владели тем сатанинским интеллектом, каким владели противники. И это мучило Куравлёва, когда он плескался в ледяном бассейне с Янаевым, который выкрикивал: — Эхма! Забодай меня комар!".

Разумеется, Чубайсы, Явлинские и прочая публика такого рода были сильны не сами по себе — в известном смысле вполне убогие и ничтожные персонажи с замешанными на социопатии комплексами, которые время позволило им выплеснуть на людей. Они были сильны другим. Во "Властелине колец" эльф Леголас говорит об орках: "Их подгоняет чья-то злая воля". Всю эту шепелюнь, этих орков перестроенно-построенного времени подгоняла воля серьёзных, скажем так, людей внутри страны и за её пределами. В романе "ЦДЛ" "хромой бес перестройки" Александр Яковлев объясняет автору, что переход власти (от Горбачёва к Ельцину) — не проблема, что в реальности "в этом нет необходимости. Борьба происходит в мирных формах. Ибо его... управляют ответственные люди". Да, сегодня мы знаем, что среди этих ответственных людей был, например, президент США Джордж Буш-старший. Именно его главной заслугой Мадлен Олбрайт считала руководство демонтажом Советской империи. Именно ему как главному начальнику — первому отработавшему Ельцину на результатах белевского сговора. Именно Буш в полном соответствии с интересами тех кланов, которые он представлял, и вопреки аргументам Чейни принял окончательное решение об устройстве постсоветского пространства: не союз суверенных государств (ССГ) с числом от 40 до 60, а союз независимых государств, СНГ — 15. Разумеется, и сам Буш — лишь высоко- (очень высоко) поставленный клерк, были и другие, ещё более "ответственные люди", но суть ситуации ясна. И вот пришёл 1991 год. Проханов:

В Кремле разбилось голубое блудце. И с колокольни колокол упал. Зажались над Гусью лютеры революций, И начался крошечный русский бал.

Эти строки вызывают в памяти волошинский "Северовосток", не не строки "Был царь и явь большевиков" и не "В комиссарах — дурь самодержавья", Взрывы Революции — в царях", а другие: "Распсался, разгулялись бесы / По России вдоль и поперёк..." Причём бесы оказались мелкими. Но это если мелкий бес — сам по себе, то, как у Пушкина, он "понатужился, понатужился... два шага шагнул... ножки протянул". А если его поддерживает хозяин — закордонный буржуй, то голем пойдёт.

В налетевшей стремительно, как поднятые ветром листья в ноябре: то ли с похоронами домовых, то ли с ведьмиными свадьбами, уродли-

I

"Меченосец". Так называется недавний велико-пелный роман Александра Андреевича Проханова. Меченосец — это одно из качеств многогранной личности Александра Андреевича Проханова. Меченосец в смысле психисторической принадлежности не к средневековому ордену, а к тому ордену меченосцев, который хотел создать Сталин как ядро нового общества, как гарантию необратимости и победы Красного проекта.

Проханов родился в символичном 1938 году: 1937–1938 годы — разгар схваток холодной гражданской войны, которую пытались и пытаются заархивить как "сталинские репрессии", выпячивая одно и хитро пряча другое, намного более важное и страшное. Холодная гражданская война подошла к концу в марте 1939 года — к XVIII съезду ВКП(б) — и окончательно сошла на нет, растворилась в Великой Отечественной. Одна-ко холодная уже не война, а схватка продолжалась, нарастая, до самого конца существования СССР — Красного проекта, и Александр Андреевич был постоянным и активным участником этой борьбы, а на финальной стадии — среди лидеров одной из сторон. Стороны правой, но, к сожалению, не победившей — в земной жизни. Сам Проханов написал об этом так:

Я был солдат. Я жизнь провёл в сраженьях. Моих утрат не взвесить на весах. Я потерял земное поражение, Но одержал победу в небесах.

Думаю, под поражением писатель имеет в виду прежде всего то, что враг смог разрушить СССР. Но может ли один человек примерять на себя поражение Государства и Системы (впрочем, уже само это говорит о масштабе личности), тем более что СССР, строго говоря, не потерпел поражение: предательская верхушка капитулировала. Потому-то и нет у русских — настоящих советских русских — патриотов комплекса поражения и вины, как у немцев. Этот комплекс вдвдблывали в них англосаксы после Второй мировой войны, стремясь кастрировать или даже уничтожить дух Шиллера, и во многом преуспели. Нам они при активном участии пятой колонны такой комплекс тоже пытались привить — не вышло. Они удивлялись: раз вы проиграли, должен быть комплекс потерпевших поражение. А вот хрена, мы — не проиграли, капитулировал иудушка Горбачёв.

Но разве газета, телерадиоинтервью и общественная деятельность — не победа? Писатель в России — больше, чем писатель, и Александр Андреевич этот принцип перевыполнил. Одна-ко писатель ещё и писатель, и при всех других гранях эта у Проханова — главная грань. Первая книга А.А. Проханова "Иду в путь мой" (1971 г.) вышла с предисловием Ю.В. Трифонова, одного из лучших советских прозаиков. Притом что Трифонов и логикой судьбы, её времени и места тяготел к так называемому либеральному лагерю советской литературы, талант и широта взгляда позволяли ему выходить за "узкопартийные рамки", за "ограду" престижного "Дома на набережной" (менее даровитые персонажи этого лагеря так и остались в тинейджерском вареве "арбатских детей"). Это позволило Трифонову не только выделить Проханова из молодой писательской поросли, но и увидеть главное — то, что у Александра Андреевича тема России, русского народа — "не дань моде и не выгодное предприятие, а часть души, что он, в отличие от классических деревенщиков, не педалировал тему крестьянской России, русскости как крестьянственности. Отдав дань сельской Руси (в том числе и конкретно биографически), Проханов очень быстро перешёл к теме современной, промышленно-городской советской России, СССР. В 1970-е годы он пишет несколько романов и повестей именно о советском обществе, которое на то время уже довольно далеко ушло от крестьянского прошлого.

II

Русский писатель, но не почвенник, к тому же один из наиболее ярких представителей так называемых сорочкалетних, — это привлекло к Проханову внимание определённого сегмента нашей литературы, не вполне нашей, не вполне литературы, но тем не менее важного.

Вот как описан этот сегмент в романе "ЦДЛ": "В писательских домах у "Аэропорта" обитала неясная власть, управлявшая судьбами писателей и всем литературным процессом. Явная власть, представленная вельможными секретарями Союза

писателей, гнездилась в доме Ростовых, что примыкал к ЦДЛ. Но была не всемогуща. Дешила своё влияние с "мудрецами" "Аэропорта", которые часто действовали вопреки желаниям секретарей. И те, имея опору в партийных верхах и в КГБ, уступали бешущему бархатному давлению "мудрецов"..."

Вот к такому "мудрецу" (в романе "ЦДЛ" — некий Андрей Маркович) и пригласили главного героя романа Куравлёва (то есть в реальной жизни — Проханова) на смотрины, с придыханием предупредили: "Не исключено, что подойдёт Лазарь Семёнович".

Андрей Маркович прощупывает Куравлёва и в то же время даёт установку: "Мне кажется, — продолжил беседу Андрей Маркович, — необходимо пополнить ряды тех, кто причисляет себя к последователям Трифонова. Ну, не буквально! Русские писатели не могут потчевать нас рассказами о том, как растут овсы или как прекрасен был обряд венчания. Мы должны заглядывать в наше социальное будущее. Трифонов не заглядывает в будущее, но будущее стремительно приближается. У этого будущего должны быть свои исследователи, свои летописцы. Близятся великие столкновения, великие схватки. Литература будет в них участвовать. Какое оно будет, это будущее? В галфе, с синей фуражкой охранника? Или по-европейски свободным человеком? Михаил Сергеевич Горбачёв при встрече сказал мне: "Мы нуждаемся в писателях. Мы надеемся на их поддержку".

Проханова тестируют на роль русского глашатая кругов, стоящих за сегментом.

Смотрины удались, причём Куравлёв/Проханов понимает ситуацию: "Я заключил неписанный договор, быть может, с дьяволом". Но случай, точнее — Бог-изобретатель, а вместе с ним и сам Проханов управляют иначе: Афганистан. За очерк о войне, о нашей армии сегмент и его холуи объявляют Проханову бойкот, и с этой минуты кончается его романтическое писательство, а начинается смертельная схватка с теми, кто провёл борозду и напилит её кровью". Впрочем, как и в любой творческой среде, проблемы создают не только враги, но и друзья или те, кто ими почему-то считается.

И не случайны строки Проханова: "Врагов объявленная злоба. Друзей отравленный укус" — прямая перекличка с Пушкинами: "Мне слышится друзей отравленный привет". Показательно, что замену Куравлёву сегмент нашёл именно среди тех, кто из якобы друзей: место Куравлёва/Проханова вприпрыжку занял тот, чья фамилия в романе изменена минимально — Макавин. За превращение в человека свиты "дьявола" ему пришлось заплатить: наступил сюжет уродения таланта. Ну а в творчестве Проханова всё большее место стала занимать военно-политическая тематика с восточным (афганским) акцентом" тетралогия "Горячие сады", "Рисунок баталиста" и др.

По сути, в форме истерна Проханов создал советский имперский роман. Притом что и царская Россия, и СССР были империями, писатели и поэты-имперцы у нас — крайняя редкость. В дореволюционной России явным имперцем, олять-таки с восточным уклоном, был Н.С. Гумилёв — но поэт, не прозаик. В СССР главный имперец — прозаик Проханов. "Восточно-имперские" романы Проханова со стеклянной ясностью (как сказал бы Владимир Набоков, которым, как и его антиподом Андреем Платоновым, увлекался в молодости Александр Андреевич) демонстрировали: в советской литературе кроме патриотов, красных и белых, и либералов, интернационалистов раннесоветского типа и космополитов позднесоветского, теперь есть советские имперцы, имперцы советского типа. Пусть в одном лице — писателя Проханова, который, кстати, к концу 1980-х был уже не только признанным писателем, но и секретарём Союза писателей, и главным редактором журнала "Советская литература". Но ведь мир — понятие не количественное, а качественное.

В 1980-е Проханов своими романами делает большой шаг на пути превращения бинарной оппозиции "патриоты — либералы" в треугольник, который, как известно, самая устойчивая конструкция. Третий, образующий, угол обеспечивала идея советской имперскости, осмысление СССР не как матушки-России и не как центра мирового революционного процесса, а прежде всего как Красной империи. При этом, подозреваю, выбор Проханову с его чувством вкуса диктовали не только история, политика и судьба, но и эстетика — Большой стиль Красной империи, которой, кажется, не хватало рефлексии именно по этому поводу. Хотя СССР на Западе и называли империей, у нас первым в литературной форме, что очень важно для литературоцентричной страны, отчётливо, без обиняков и с проекцией на идеологию заявил это Проханов. Эстетический резон и восторг были здесь далеко не на последнем месте.

IV

Среди романов, написанных Прохановым в XXI веке, я как читатель и как историк выделяю то, что воспринимаю как трилогию: "ЦДЛ" (2021 г.), "День" (2021 г.), "Меченосец" (2022 г.). И хотя "Меченосец" написан позже и его герой — не писатель Куравлёв, как в "ЦДЛ" и "Дне", по хронологии это первая часть: события происходят в 1984 — начале 1985 года. "ЦДЛ" — это лето 1991 года, "День" — осень 1993-го. Трилогия, хотя и с перерывами во времени, охватывает период 1984–1993 годов, переломный период не только советской, но и русской истории. Прохановская трилогия — единственный романский цикл об этом "вывихнутом времени", о социальной войне и мире (то есть обществе), о хождении по мукам такого времени, о котором в романе "Меченосец" сказано: оно "выпало из календаря". Я более подробно остановлюсь именно

на этом романе, поскольку он знаковый сразу в нескольких отношениях и, на мой взгляд, ярко проявляет многое и в творчестве Проханова, позволяя прочитать некие скрытые шифры, и в его позиции наблюдателя и сотворца эпохи, и в его анализе. Трилогия — это и свидетельство острого на глаз и точного на слово очевидца и успешности, и одновременно анализ произошедших событий. Причём от романа к роману, и особенно в "Меченосце", анализ становится всё более тонким и глубоким. В "ЦДЛ" показаны и те, кто проигрывает, и те, кто побеждает, и те, кого Юрий Кузнецов назвал маркитантами. В "Дне" присутствуют и те, кто пойдёт на баррикады, и те, в кого эти баррикада целит, а также кукловоды и куклы (в "ЦДЛ" они названы "матерчатыми"). А чего стоит описание Ельцина и времени, а точнее безвременья, которое он воплощал и которое ташил за собой, как Вий, окружённый сворой нечисти. Вот только убийственный для нечисти петушиный крик не раздался.

Итак, Ельцин: "Куравлёву показало, что в его дом вошёл огромный истукан с вырубленным ртом, в котором вяло чавкал застывающий бетон, язык с трудом проворачивая застывающее месиво. Ямины, в которых должны были помещаться глаза, смыкались, и на дне их что-то ликло блестело. Время, которое предшествовало появлению истукана, остановилось, заперуженное каменным туловищем. Накапывалось, возбуждало, не в силах пробить заплуду. За спиной истукана остановленное время горбилося огромной горой, перед каменным брехом открывалась пуста. Начиналось безвременье".

Я не случайно вспомнил "Вия". Образ истукана — голговетский, а вот на ельциноидов нужен был бы Пётр Боклевский — потрясающий иллюстратор "Мёртвых душ". Но это к слову.

В "Меченосце" Проханов, во-первых, показывает механизм реального заговора "ответственных людей" внутри страны и этих самых людей. В "ЦДЛ" устами писателя Макавина говорится о том, что в Париже богатые и могущественные люди ("они знали подоплёку, а не ширму") решают судьбу России, что "эти люди уже пришли сюда, они здесь, они подлипливают сваи, на которых стоит Советский Союз", в "Меченосце" показаны не забытые планировщики и исполнители разрушения, а местные, советские. Их задача по должности и по совести не допустить разрушения, но действуют они с точностью до наоборот и неважно, с какими намерениями. Если в "ЦДЛ" лишь вскользь упоминаются некие дроздовски в самом Кремле, которые пилят древо, именуемое государством, огромная машина, подпиливающая опоры государства, то герой "Меченосца", а точнее Проханов, эту волю обнаруживает, но об этом чуть позже.

Во-вторых, в романе глазами капитана КГБ Сергея Максимовича Листовидова мы видим широкую панораму изнаночного (в социокультурном и идейном плане) СССР изнанку, которой в начале 1990-х предстоит поменаться местами с лицевой частью. Мы знакомимся с организованными в кружки русскими и украинскими националистами, с правоплавыми и с косящими под психов (а отчасти действительно психами) художниками, сионистами и фашистами, молодыми комсомольскими и пар-

